

RU

Образ Александрии в сборнике эссе А. Асимана «Поддельные документы»

Осьмухина О. Ю., Гагарина Д. Ю.

Аннотация. Статья посвящена изучению образа Александрии в книге эссе А. Асимана «Поддельные документы». Цель исследования – выявить специфику репрезентации топоса Александрии в сборнике. Научная новизна, во-первых, определяется самим материалом исследования: впервые в отечественном литературоведении эссе А. Асимана вводятся в научный оборот; во-вторых, образ Александрии, репрезентированный здесь, впервые рассматривается целостно, в единстве его проблемно-тематического поля. В результате установлено, прежде всего, что ключевыми приемами изображения топоса становятся интертекстуальность (отсылки к Л. Дарреллу, К. Кавафису), библейские мотивы, а также ретроспекция, с помощью которой Александрия в сборнике эссе предстает в двух аспектах: реальном и ирреальном. Кроме того, если действительная Александрия изображается через описание достопримечательностей, воспоминания о предках писателя и размышления о выдающихся личностях, генетически или биографически связанных с ней, то ирреальная Александрия оказывается исключительно порождением авторской фантазии, синтезом когнитивных искажений и подлинных воспоминаний об этом городе и связана с проблемой экзистенциального одиночества. Наконец, пространство Александрии нередко сужается до локусов отцовского дома, воплощающего идею рода, семьи, и комнаты как камерного пространства автогероя, в котором он чувствует себя защищенным.

EN

The image of Alexandria in André Aciman's essay collection "False Papers"

O. Y. Osmukhina, D. Y. Gagarina

Abstract. The article is devoted to the study of the image of Alexandria in André Aciman's collection of essays "False Papers". The purpose of the study is to identify the specifics of the representation of the Alexandria topos in the collection. The scientific novelty of the work is determined, firstly, by the research material itself: it is the first time that A. Aciman's essays have been introduced into the academic discourse of Russian literary studies; secondly, the image of Alexandria presented here is examined holistically for the first time, in the unity of its thematic and problematic field. As a result, it has been established, first and foremost, that the key techniques for depicting the topos include intertextuality (references to L. Durrell and C. Cavafy) and biblical motifs, as well as retrospection, through which Alexandria in the essay collection is presented in two aspects: the real and the unreal. Furthermore, while the actual Alexandria is depicted through descriptions of landmarks, memories of the author's ancestors, and reflections on prominent figures genetically or biographically linked to the city, the unreal Alexandria emerges exclusively as a product of the author's imagination – a synthesis of cognitive distortions and genuine memories of the city – and is inextricably linked to the problem of existential loneliness. Finally, the space of Alexandria is often narrowed down to the loci of the paternal home, embodying the idea of lineage and family, and the room as a chamber space for the author-protagonist, in which he feels protected.

Введение

Андре Асиман – американский писатель еврейского происхождения, родившийся в Египте, юность проведший в Риме, получивший образование в США, чьи произведения закономерно репрезентуют мультикультурную концепцию мира, обусловленную во многом биографическими обстоятельствами (Porter, 2001). Более чем за двадцать лет А. Асиман создал шесть романов («Найди меня» и др.), мемуары («Из Египта», «Мой Римский год») и три сборника эссе («Поддельные документы», «Homo irrealis», «Алиби»). Современные исследователи (Гагарина, 2026; Banks, 2021; Lesse, 2000; Porter, 2001; Reidy, 2025; Shafaieh, 2018; Zonana, 2016) созвучно говорят об Асимане как об одном из талантливейших прозаиков XXI века, который осмысливает темы

ностальгии, эмиграции, национальной идентичности, непосредственно связанные с широкой топографией, – от Парижа и Нью-Йорка до Рима и Александрии. Так, характеризуя сборник «Поддельные документы», В. Лессер отмечает: “When I finished the book, I wanted nothing more than to visit the lost Alexandria in which Aciman grew up – a longing as hopeless as that for Dostoyevsky’s St. Petersburg or Dickens’s London or Proust’s Paris. It is not just that these entrancing cities are gone now. The fact is, they may never have existed at all, outside the minds of their authors” (Lesse, 2000). / «Когда я закончил читать книгу, мне больше всего хотелось посетить затерянную Александрию, в которой вырос Асиман – тоска столь же безнадежная, как по Петербургу Достоевского, Лондону Диккенса или Парижу Пруста. Дело не только в том, что эти завораживающие города исчезли. Факт в том, что они, возможно, никогда не существовали вовсе, вне сознания их авторов» (здесь и далее перевод наш. – О. О., Д. Г.). В связи с этим актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью целостного осмысления образа Александрии в эссеистике прозаика, поскольку, будучи принципиально значимым топосом для А. Асимана, его личностного и творческого становления, он во многом способствует раскрытию авторских взглядов на многомерную структуру бытия, места в нем искусства и художника как такового.

Материалом исследования стал первый сборник эссе А. Асимана «Поддельные документы» (Aciman, 2001), содержащий образы и мотивы, характерные для последующего творчества писателя; также к анализу привлекались стихотворения У. Вордсворта (2001) и травелог Л. Даррелла (2006).

Задачами исследования явились: выявление форм воплощения образа Александрии в эссе; определение средств его изображения; анализ интертекстуальных связей, благодаря которым топос Александрии вписывается в западную урбанистическую традицию.

Методологической основой работы стали биографический метод, благодаря которому сборник эссе был рассмотрен как эго-документ, непосредственно воплощающий индивидуально-авторский опыт А. Асимана, и метод целостного анализа художественного произведения, позволивший осмыслить «Поддельные документы» в единстве его поэтики и проблематики.

Теоретической базой явилась работа Л. Г. Кайды (2008), посвященная исследованию жанра эссе, в которой предлагается его типология. Подчеркнем, что эссе, являясь одним из ведущих жанров в творчестве А. Асимана, демонстрируют становление его личности, писательской индивидуальности и сочетают в себе три, условно говоря, тематических типа: эмигрантские (“emigration essay”), диаспоральные (“diaspora writing”) и эссе об искусстве (“art essay”). Эссеистика писателя характеризуется синтезом эмигрантского дискурса, диаспоральной проблематики и рефлексии об искусстве, что определяет полифоничность авторского нарратива. При этом сама структура эссе А. Асиманом игнорируется, является хаотичной, ключевые тезисы зачастую строятся на взаимосвязанных элементах, оппозициях: «жизнь – литература», «реальное – ирреальное – вспоминаемое». Именно такие эссе понимаются А. Кайдой как «гибридные» типы текста, «в которых экспансия элементов эссе адаптирована в зависимости от мастерства пишущего к модели свободного жанра для свободно мыслящих людей» (2008, с. 87), а функция убеждения перестает быть главной, что соотнобразуется и с общей концепцией эссе как жанра, для которого «характерны философски углубленное осмысление текста, бессюжетность, хаотичность (спонтанность) траекторий композиционно-речевого движения, а нередко и импрессионистская музыкальность прозы» (2008, с. 96). Кроме того, и «авторское я» – эссеистическое, соединяющее жизненное и философское осмысление проблемы “я и мир” в особом ракурсе» (Кайда, 2008, с. 98), который не похож на репрезентационном плане ни на один из жанров.

Интерес для нас также представляли работы, в которых рассматривается образ Александрии (Fraser, 1973; Porter, 2001), в том числе в сравнительно-сопоставительном аспекте в прозе Л. Даррелла, И. А. Мегид и А. Асимана (Banan, 2020).

Практическая значимость исследования состоит в том, что его материалы, результаты и общие выводы могут быть использованы в вузовском курсе современной мировой литературы, спецкурсах, посвященных новейшей американской прозе в целом и творчеству А. Асимана в частности.

Обсуждение и результаты

Значимое место в сборнике «Поддельные документы» (“False Papers: Essays on exile and memory”, 2001) А. Асимана занимает урбанистический дискурс и сопряженный с ним образ Александрии – города многонационального, мультикультурного, где органично переплетаются различные культурные традиции и смешиваются разные языки. При этом концепция А. Асимана «космополитичной» Александрии связана со сходством города с европейскими городами и достопримечательностями и их оторванностью от арабского наследия. За пределами еврейской общины Асиман упоминает лишь о списке неарабских станций, для того чтобы скрыть арабскую идентичность города (Banan, 2020). Кстати, образ Александрии не фигурирует в итальянских мемуарах автора («Мой римский год»), что связывается, на наш взгляд, со страхом писателя перед новой страной и слабым осознанием себя как эмигранта.

В «Поддельных документах» образ Александрии для А. Асимана предстает *ирреальным* и *действительным* одновременно, причем первый представлен в двух аспектах, тесно друг с другом взаимосвязанных. С одной стороны, *ирреальная* Александрия репрезентована как нечто вспоминаемое, связанное с нахождением нарратора в ней когда-то. С другой стороны, она предстает как полностью ирреальное место, соотнобразующееся с понятием «места памяти» (“lieu de mémoire”), историческим прошлым, связанным с дальними предками писателя, а также с уроженцем Александрии К. Кавафисом и длительное время жившим в ней Л. Дарреллом.

Сборник открывается эссе «Александрия: столица памяти», в котором нарратор повествует о своем возвращении в Александрию спустя тридцать лет, при этом космополитичный образ города в писательской памяти полностью утрачивается: «И все это сменяется неизбежным разочарованием: <...> здания за годы словно съжились, все в лохмотьях, город грязный, в руинах. Европейцев не осталось, а все евреи уехали. Александрия теперь египетская» (Asiman, 2001, p. 5). Описание города предельно точное, передающее звуки и запахи: «Едва приближаюсь к её району, как почти врезаюсь на старый рынок. Он тоже не изменился с детства. Тележки и открытые лавки всё на месте, как и незабываемое зловоние рыбы и мяса, и вечные крики, и толпы людей, теснящиеся между штабелями еды и ящиками с живыми курами» (Asiman, 2001, p. 8). Образ Александрии, кроме того, выстраивается за счет воспоминаний о прошлом и семье, при этом каждый её член имеет собственный звучный голос, что отсылает к египетским мемуарам писателя («Из Египта», 1995), где нарратив строится вокруг отдельных членов семьи А. Асимана: «Вхожу в главный двор и смотрю на наш старый чёрный ход: мне почти слышатся крики нашей поварахи на служанку, крики матери на поварику и душераздирающий вопль бедной горничной всякий раз, когда опухоль печени давит ей на позвоночник» (Asiman, 2001, p. 15).

Литературоведы (Banan, 2020) справедливо отмечали интертекстуальные пересечения Александрии А. Асимана с репрезентацией города у Л. Даррелла в «Александрийском квартете» (1962), представляющем собой рассказ о «человеке средиземноморском» (Даррелл, 2006), его взглядах и стремлениях. Весьма примечательно и то, что персонажи в «Александрийском квартете» есть «только форма проявления жизни города, тот трагически наделенный самосознанием и индивидуальной волей материал, на котором проигрываются его, а значит, и общечеловеческие архетипические сюжеты» (Демина, 2011, с. 177). Равно как у Л. Даррелла, город у А. Асимана предстает сквозь призму семьи автогероя, причем последняя репрезентована и как вспоминаемая, и как действительная. В этом же эссе Александрия соотносится со смертью: важнейший эпизод на кладбище, в котором ведущим мотивом становится оцепенение, репрезентует Александрию как город смерти. Автогерой, оказавшись у могилы бабушки, не может ничего почувствовать, а в финале поездки и вовсе понимает, что забыл её поцеловать: «Не обращаю внимания на семью зрителя и продолжаю фотографировать, не потому что очень хочу, а потому что, глядя в видоискатель и делая вид, что навожу фокус на целую вечность, могу забыть суету вокруг, стоять неподвижно, остановить время, уставиться вдаль и думать о своём детстве, и о том, что я здесь, и о деде, которого едва знал, почти не помню и о котором редко думаю» (Asiman, 2001, p. 17).

Кроме того, изображение Александрии схоже с воссозданием образа Родоса в травелоге Л. Даррелла («Размышления о Венере Морской», 1953), в котором любовь к городу становится «осознанной печалью» (Fraser, 1973, p. 87). Любовь к городу, его ландшафтам, его народу «стала у писателя более осознанной, пронизанной глубоким сочувствием и нежностью. Даррелл больше не стремится идеализировать Грецию» (Савельева, 2011, с. 233). А. Асиман также подробно и без прикрас описывает Александрию, демонстрируя все ее неприглядные стороны, живописует портрет нынешнего, исключительно египетского, города. Кстати, прозаик подчеркивает, что вспоминает именно опыт Л. Даррелла, размышляя о нынешней Александрии: «...и думаю о Лоуренсе Даррелле, о том, что он мог чувствовать, стоя в этой же гостинице более пятидесяти лет назад и созерцая магический, чарующий город – “столицу памяти”, как он его назвал, с её “пятью расами, пятью языками... и более чем пятью полами”» (Asiman, 2001, p. 6). Александрия сквозь призму Л. Даррелла кажется автогерою «чарующей», что высвечивает разрыв *ирреального* города с городом *подлинным* – таким, каким он представлен у Даррелла (Демина, 2011). Двойная оптика позволяет воссоздать своеобразный космополитичный образ города, не в буквальном, идентификационном, но в метафорическом смысле, как воплощение многоголосия Александрии. Однако, на наш взгляд, в отличие от книги Л. Даррелла, Александрия у А. Асимана не столько действительно существующий город, сколько метафорический, ирреальный, бытующий исключительно в воспоминаниях автогероя, а также в абстрактном времени и пространстве.

Кроме того, Александрия репрезентуется как утраченная дважды: сначала физически – из-за изгнания еврейской семьи прозаика из Египта в 1960-х годах, а затем метафорически – из-за невозможности увидеть её в реальности такой, какой она сохранилась в памяти. Нарратор не просто вспоминает город в настоящем времени, но исследует сам процесс воспоминания, создавая образ Александрии как «столицы памяти», то есть город предстает как город-мираж, город-призрак, город-тоска (кстати, в последующем творчестве А. Асимана мотивы возвращения, тоски и утраты станут определяющими).

Помимо Л. Даррелла, претекстами для осмысления Александрии А. Асиманом становятся стихотворения К. Кавафиса «Город», где лирический герой понимает свою обреченность, невозможность жить без этого города, а также «Бог покидает Антония» (1911). Здесь лирический герой призывает к стоицизму в принятии «утраты» города и к мужеству перед лицом неизбежного, а также «открывает для себя Александрию как модель мира» (Русская Кавафиана, 2000, с. 10). Нарратор же в эссе А. Асимана уверен, что должен стойко проститься с городом, «вырвать» его из себя: «Я приехал не затем, чтобы воскресить воспоминания или даже узнать те, которые искажил, или тешить себя мыслью, что снова смогу здесь жить; я приехал, чтобы похоронить всё это, вычеркнуть, забыть, даже возненавидеть – так же, как мы учимся ненавидеть тех, кто нас не захотел» (Asiman, 2001, p. 5). Кроме того, именно посредством «настоящей» Александрии выстраивается ирреальный, воображаемый вариант жизни автогероя: город становится средством рефлексии. Именно город и его утрата позволяют А. Асиману выстроить собственную модель бытия, которую впоследствии он воплотит в своем творчестве (к примеру, «Homo irrealis», 2021), а также определить повествовательный фокус

«вечного возвращения»: «Думаю о странной жизни, которую бы вёл, о жене, которая была бы у меня, о других моих детях <...>. Также, думаю о том воображаемом себе, который никогда не сбивался с пути и не делал вещей, о которых, вероятно, сожалею, что сделал, но всё равно сделал бы и не хочу от них отречься; о себе, который никогда не покидал Египет и никогда не терял почву под ногами и который в такие ночи всё ещё мечтает о зарубежном мире и о далёкой Америке...» (Asiman, 2001, p. 11). Весьма примечательно, что повествование в эссе во многом строится на противоположных полюсах, один из которых состоит из «призыва» к потере города, другой – напротив – из желания «взять его с собой», пронести через всю жизнь.

В эссе «В двойном изгнании» Александрия мыслится не как город, а как целая жизнь, которую нарратор потерял, – это метафора полноценного бытия: «Сам Египет стал метафорой. Потеря Египта, возвращение Египта или даже попытка забыть Египет была не меньшей метафорой, чем написание о нем. Я изобрел другой Египет, зеркальный Египет, Египет, о котором нужно было размышлять, Египет, стоящий вне времени, потому что, хотя он и подавал все признаки того, что был потерян, было мало доказательств, что он когда-либо вообще существовал; Египет, который я держал замороженным, спрятанным, тайным, холимым, Египет “на полях”, Египет “на пробу”, Египет, который я “рокировал” каждым другим местом, которое я мог бы назвать домом; Египет из прошлого, который постоянно вторгался в настоящее, чтобы напомнить мне, среди многих других вещей, что если я люблю вызывать прошлое больше, чем само прошлое, которое я вызываю, и если это был не Египет, который я любил на самом деле, а воспоминание о Египте, то это также оттого, что моя проблема была больше не с Египтом, а с самой жизнью» (Asiman, 2001, p. 24). Город также осмысливается сквозь призму еврейского Песаха, который связывается с изгнанием евреев из Египта и с сугубо личной историей эмиграции А. Асимана, а также выстраивает в эссе ветхозаветный образ Александрии как утраченного рая: «Потому что в эту ночь все евреи вспоминают именно ту ночь, когда началась еврейская память. В эту ночь каждый из нас думает о том своем личном Египте, который мы носим с собой, где бы мы ни были. Мы не всегда знаем, что именно помнить, но мы знаем, что должны помнить обязательно» (Asiman, 2001, p. 20). Оговоримся, что библейские мотивы здесь приобретают важное структурное значение, поскольку формируют «каркас» восприятия личной истории нарратора. Он смотрит на свою биографию сквозь призму Исхода, который одновременно и искажает реальность (сравнение Насера с фараоном), и проясняет ее, обнажая архетипическую природу еврейского скитания. Сам праздник для автогероя связывается и с семьей, которая, на наш взгляд, равно как и праздник, становится символом и изгнания, и дома для повествователя. Посредством библейской образности в эссе вводится тема рода, семьи как единой составляющей долгого пути еврейского народа: «Или мы праздновали те многие исходы, которые остались не записанными, но который каждый еврей знает, что может вспомнить, если достаточно сильно постарается, потому что каждый из нас – изгнанный гражданин страны, которая никогда не была его по-настоящему, но по которой он научился тосковать и не может забыть» (Asiman, 2001, p. 45). Кроме того, образ пророка Илии метафоричен и вытесняется образом Александрии – для автогероя ветхозаветный персонаж становится предлогом для личного восприятия города, религиозный сюжет «наложен» на этот тоpos: «...город, который врывается в комнату каждый раз, когда они открывают дверь для Илии, чтобы напомнить мне, что я никогда не скажу “В будущем году в Иерусалиме” снова в Александрии» (Asiman, 2001, p. 47).

В эссе «Зима Беккета» пьеса С. Беккета «Зима» становится не только средством рефлексии автогероя, но и добавляет городу английский колорит, что способствует конструированию ирреального образа города: «Средневековая Англия была повсюду, даже если Египет середины шестидесятых был Египтом в его самый антианглийский период» (Asiman, 2001, p. 46). Фильм, который смотрит автогерой, становится для него связующим звеном между странами, различными идентичностями, фактически последним из просмотренных в Александрии за день до отъезда: «Я не помню каждое из этих мгновений по отдельности, но знаю, что каждый просмотр неразрывно слит с другими, что каждый раз, слыша эти слова, я не только старел и добавлял годовое кольцо к куче воспоминаний, но что с этими словами моя юность, мое прошлое, Александрия, те, кто умер, и те другие части меня, которые, вероятно, мертвы, разом вызываются к жизни: мальчик, ходивший на “Беккета” с родителями в первый раз, потом с друзьями, а затем целую незабываемую неделю один, всегда пытаюсь воспроизвести чудо первого просмотра, не только в Александрии, но и сразу после нашего отъезда, в Италии, где я видел фильм, дублированный на итальянский, а затем во Франции, в Англии, и так много лет спустя по телевизору в Штатах, в колледже, в аспирантуре, пытаясь воссоздать то мрачное предчувствие и невысказанное предупреждение, вплетенное в послание короля молодому человеку...» (Asiman, 2001, p. 60). Весьма примечательно, что сопоставляя себя с персонажем Беккета, автогерой бессознательно делает вывод о том, что существует ирреальная жизнь, в которой он остался жить в Александрии. В связи с этим в эссе вводится тема экзистенциального одиночества и тоски: «И когда я сейчас смотрю “Беккета”, я делаю это не только для того, чтобы вспомнить чье-то желание, которое продолжает преследовать пустой тротуар спустя много лет, но и чтобы искупить старое желание; как мы возвращаемся к упущенным возможностям и воздушным “что, если бы”, зная, что старые счета никогда не могут быть сведены, что то, что ушло, действительно потеряно, что пьеса, которую я вижу каждый раз, – это новая пьеса ... что все, что у нас есть в конце концов, – это мы сами, наше одиночество» (Asiman, 2001, p. 62). При этом ретроспективный взгляд здесь, как и в других произведениях прозаика, способствует созданию иллюзии того, что «прошлое и настоящее фундаментально существуют» (Banks, 2021, p. 7), неразрывно связаны друг с другом. Так, Беккет становится ирреальным модусом не только в силу природы искусства, но и как воплощение «иной» жизни А. Асимана и «иногое» осознания города.

Помимо этого, образ Александрии накладывается на восприятие нарратором других городов. Так, в эссе «Арбитраж» автогерой приходит на встречу с подругой, чтобы помочь ей написать сочинение по стихотворению У. Вордсворта, при этом все в её комнате напоминает ему о доме в Александрии: «В душном уюте жаркой комнаты присутствие этого необычного предмета стеганого шитья внезапно перенесло меня на десятилетие назад, в томный мир *fin d'été* моего детства в Александрии, где мои стареющие репетиторы, начинавшие носить шерсть ранней осенью, пили чай за моим письменным столом. Крошечная студия теперь казалась такой знакомой...» (Асиман, 2001, р. 73). При этом «стеганный чайник-грелка» в интертекстуальном плане отсылает к прустовской мадленке в первом романе цикла М. Пруста «В сторону Свана» (1913). И мадленка у Пруста, и чайник у Асимана выполняют роль катализатора памяти автогероя, отсылая к образу дома.

С воспоминанием тесно взаимосвязан мотив возвращения, который, в свою очередь, также передается посредством стихотворения У. Вордсворта «Аббатство Тинтерн» (1798). Напомним, что накануне Дня взятия Бастилии, 13 июля 1798 года, двадцативосьмилетний Вордсворт отправился со своей сестрой в Тинтернское аббатство на реке Уэй – в место, которое он уже посещал пятью годами ранее. Пробыв там день, вечером Вордсворт написал стихотворение, в котором ведущим мотивом, равно как и в большинстве эссе и романах А. Асимана, является мотив возвращения. Однако лирический герой здесь, равно как и нарратор у А. Асимана, прославляет не столько значимость настоящего, сколько прошлое и будущую память о встрече с этим местом: «А ныне, при мерцанье зыбких мыслей, / В неясной дымке полуузнаванья / И с некоей растерянностью грустной, / В уме картина оживает вновь: / Я тут стою, не только ощущая / Отраду в настоящем, но отраду / Мне в миге этом видеть жизнь и пищу / Грядущих лет» (Вордсворт, 2001, с. 67).

Важно, «что поэт, хорошо знакомый с историей Тинтернского аббатства, избегает о ней говорить» (Халтрин-Халтурина, 2010, с. 217). Так, местность для лирического героя, равно как и для А. Асимана, становится лишь предлогом для воспоминания и удовольствия от воспроизведения в памяти прошлого, при этом У. Вордсворт «поднимается над всей долиной в буквальном смысле: он взбирается на близлежащие холмы. Вместе с тем поэт оказывается “над” Тинтернским аббатством и иносказательно: он поднимается над эмпирическим знанием, отдаляется от окружающих его реалий – и возносится мыслями в иные сферы» (Халтрин-Халтурина, 2010, с. 220). А. Асиман также «возвышается» над Александрией, смотрит на неё «иносказательно», при этом дистанцированность необходима для более глубокого раскрытия образа дома, который оказывается всё более эфемерным: важна не фактическая родина, а то, *какой* она предстает в памяти, и с этим тесно связан мотив утраты. Именно так нарратор пытается справиться с болью потери, осознать «правильный» путь возвращения.

Кроме того, именно с эссе «Арбитраж», на наш взгляд, связано название всего сборника – «Поддельные документы». Помогая подруге с написанием работы по У. Вордсворту, автогерой неожиданно начинает сочинять вымышленный рассказ о возвращении в Александрию и посещении кладбища. Много лет спустя, когда он действительно приезжает в город и идёт на кладбище, он обнаруживает, что реальность в точности совпала с его недавней фантазией: «Как ни странно все, что я выдумал в том рассказе, подтвердилось <...>. Я вернулся к вымыслу – или, по крайней мере, вступил в область, где память и воображение менялись местами с головокружительной ловкостью антраша» (Асиман, 2001, р. 97). Таким образом, город, по которому тоскует автогерой, – это город не реальный, но «отретушированный» его собственным воображением в процессе многолетних воспоминаний и рассказов о нем. Так, для А. Асимана важна не столько Александрия, сколько сам процесс вспоминания о ней. Образ Александрии, созданный воображением автогероя, силой его ностальгии, является своеобразным «поддельным документом».

Образ Александрии накладывается не только на восприятие Нью-Йорка, но и Парижа в эссе «Площадь Ламартина», где Египет предстает как желанная родина, воспоминания о нем вызываются прекрасным времяпрепровождением во Франции: «Через несколько дней мы навестили двоюродную бабушку в 16-м округе. Это было похоже на попадание в наш старый дом в Александрии – только в миниатюре: то же ощущение, тот же запах, те же семейные запреты вести себя тихо и прилично. Но эта квартира была законченной версией того чернового наброска, каким был наш александрийский дом» (Асиман, 2001, р. 87). При этом вновь для нарратора принципиально значим концепт комнаты как редуцированного символа дома: Александрия концентрируется сугубо в семейном кругу, в «малом мире», что обусловлено биографическим контекстом. В детские годы А. Асиман вел достаточно замкнутый образ жизни, редко гуляя по городу и не выезжая за пределы Египта.

Заключение

Итак, в результате исследования мы пришли к следующим выводам относительно специфики воплощения образа Александрии в эссеистике А. Асимана.

Образ Александрии, наряду с Нью-Йорком, Парижем, Римом, занимает значимое место в наследии А. Асимана и воплощен посредством ретроспекции и широкого интертекстуального слоя (отсылки к У. Вордсворту, Л. Дарреллу, М. Прусту, а также ветхозаветной образности: образы Исхода, пророка Илии).

В сборнике эссе «Поддельные документы» Александрия предстает в двух взаимосвязанных аспектах – *ирреальном* и *действительном*. *Ирреальный* план изображения у А. Асимана подразумевает слияния вспоминаемого с вымышленным, и в этом ключе город осмысливается в контексте «большого времени» жизни и личностного становления нарратора, который посредством ретроспекции изображает не город своего детства, но его идеальный образ, подчеркивая, что воспоминания об Александрии «поддельные», не всегда соответствующие реальному событийному ряду. *Действительный* план позволяет писателю изобразить Александрию

по аналогии с европейскими городами, высветить её ландшафт, топографию, но при этом прозаик подчеркивает мультикультурную составляющую: многонациональная Александрия, населенная египтянами, турками, греками, евреями и т. д., становится, с одной стороны, центром притяжения различных языков и культур. С другой же стороны, пространство города для автогероя сужается до локусов дома и его комнаты, которые мыслятся как средоточие воспоминаний о детстве, родителях, семейных ценностях.

Перспективой дальнейшего исследования может стать, во-первых, осмысление образа Александрии в романах писателя в контексте заявленной проблематики, а во-вторых – углубленное изучение топографии произведений А. Асимана в её единстве и взаимосвязи с биографией писателя (топосы Нью-Йорка, Гарварда, Рима, Парижа).

Материалы исследования | Research materials

1. Вордсворт У. Избранная лирика. М.: Радуга, 2001.
2. Даррелл Л. Размышления о Венере Морской / пер. с англ. Е. Ракитиной, В. Михайлина. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2006.
3. Aciman A. False Papers. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2001.

Источники | References

1. Гагарина Д. Ю. Мотив тоски в романе А. Асимана «Гарвардская площадь» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. № 1. <https://doi.org/10.46726/H.2026.1.6>
2. Демина А. И. Структура и функции героя в романах Лоренса Даррелла «Александрийский квартет» и Милорада Павича «Хазарский словарь» // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2011. № 1 (9).
3. Кайда Л. Г. Эссе: стилистический портрет. М.: Наука, 2008.
4. Русская Кавафиана: в 3 ч. / сост. С. Б. Ильинская. М.: ОГИ, 2000.
5. Савельева И. Г. Образ Родоса в травелоге Лоренса Даррелла «Размышления о Венере Морской» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 11 (103).
6. Халтрин-Халтурина Е. В. «Тинтернское аббатство» У. Вордсворта: контекст и композиция // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2010. № 11 (54).
7. Banan H. Literary representations of Alexandria: Cosmopolitanism and History in Lawrence Durrell, André Aciman, and Ibrahim Abdul Meguid. Canterbury: University of Kent, 2020.
8. Banks O. Irreal Temporality: Andre Aciman and a New Theory of Time // Broad Street Humanities Review. 2021. Vol. 1. № 5.
9. Fraser G. S. Lawrence Durrell. A Study. L., 1973.
10. Lesse W. Terra Incognita // The New York Times. 2000. 10 September. <https://www.nytimes.com/2000/09/10/books/terra-incognita.html?searchResultPosition=1>
11. Porter R. J. Autobiography, Exile, Home: The Egyptian Memoirs of Gini Alhadeff, Andre Aciman, and Edward Said // Biography. 2001. Vol. 24. № 1. <https://doi.org/10.1353/bio.2001.0019>
12. Reidy M. T. Andre Aciman's formative year in Rome // America. The Jesuit Review. 2025. 13 February. <https://www.americamagazine.org/arts-culture/2025/02/13/review-aciman-roman-year-249887/>
13. Shafaieh C. Andre Aciman // Kinfolk. 2018. Vol. 29.
14. Zonana J. "Enta Omri, You Are My Life": Embracing the Arab Self in Andre Aciman's Harvard Square // Studies in American Jewish Literature. 2016. Vol. 35. № 1.

Информация об авторах | Author information

Осьмухина Ольга Юрьевна¹, д. филол. н., проф.

Гагарина Дана Юрьевна²

^{1, 2} Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск

Olga Yurievna Osmukhina¹, Dr

Dana Yurievna Gagarina²

^{1, 2} National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk

¹ osmukhina@inbox.ru, ² pd-20042@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 02.09.2026; опубликовано online (published online): 22.10.2026.

Ключевые слова (keywords): творчество А. Асимана; современная американская литература; образ Александрии в эссе А. Асимана; феномен мультикультурализма в литературе; André Aciman's work; contemporary American literature; image of Alexandria in André Aciman's essays; phenomenon of multiculturalism in literature.